

*In such a night
Medea gathered the enchanted herbs
That did renew old Aeson.*

Shakespeare

*Посвящаю
Екатерине Васильевне Карженковой,
художнику и колдунье*

*В такую ночь
Медея, верно, собирала травы
Волишебные, чтоб молодость вернуть
Эзону старому...*

Шекспир

Светлана Машевич

МЕДЕЯ

Стихотворения

Москва
2020

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6.5
М 38

Машевич С.В.

М 38 Медея : стихотворения / С. Машевич. – М.:
Издательство «У Никитских ворот», 2020. –
64 с.

ISBN 978-5-00170-181-1

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6.5

ISBN 978-5-00170-181-1

© Машевич С.В., 2020
© Карженкова Е.В., иллюстрации, 2020
© Оформление. Издательство
«У Никитских ворот», 2020

Заросшие корою бородатой,
Глаза твои мерцают в никуда,
И по перу и через сук горбатый
Стекает, но не падает вода.

Наверно, дождевая – не иначе
Приткнулось облако среди твоих теней.
Конечно, дождевая – только жарче,
Прозрачнее и солоней.

Когда ты здесь – не дерево, не птица
И ветер закруглился и затих
Для крыльев, для листвы – лишь капля серебрится
От оханий и уханий твоих.

Как безмятежна гладь, как зыбь легка поверх
Утробы огненной!

Как сладко быть ленивой
Волне лазурной, что дурачит всех
Волшебным голосом морских отливов,
Держа биенья жар в пучине тайной –
Так недвижим гранит.

Такая твёрдость в камне,
Что на года подобно навсегда.

Но срок придёт – и гибнут города,
Материки, звезда –
И все миры.

Не трогай лиха до его поры!
То камешек осыпался с горы.
Волна янтарь сгребла обратно в море.
И улыбнулась я тебе на горе.

Да это я! Облазан и обнюхан
В бору соседнем каждый уголок,
И не везде, наверно, было сухо,
И в этом паутинном оперенье –
Держу в руке холщовый узелок,
В том узелке волшебные коренья.

Крушина, белена, вербена в воске,
Плакун-трава, сок мандрагоры, слёзки
Кукушкины, полынь, тимьян болотный
Томятся в банках на моём окне
Для зелия – уже не отворотных,
Всё больше приворотных надо мне.

Смешать с росой, на камне растереть,
Влить молодилу и смолы лавровой,
Немного масла бузины, нагреть
И остудить – и всё почти готово.
И нужно-то – на новолунной зорьке
Щепотки две хмельного порошка,
И вот уж он кипит, напиток горький
Для тайного дружка.

Ночь покойная, тёмная, сонная,
Повозилась подушка в углу,
Одеяло раскинулось, сонное,
Мягкий коврик сопит на полу.

Звёзды кружатся, поднимаются
К чёрной башне всю ночь напролёт,
Зелье булькает, зелье варится,
И певунья песни поёт.
Глаз не сомкнёт.

Когда щемит в груди без видимых причин
И дух пронзительный взвывается, пылая,
И музыка безмолвия звучит
Разящей, чем музыка боевая,

И воздух зыбится, бликует и горчит,
И губ искусанных дрожанье и брожение,
И головы закинутой круженье.
И музыка безмолвия звучит.

Стемнело очень рано почему-то,
И ничего не видно из-за туч.
Но вот сверкнул, сверкнул во тьме кому-то
Последний солнечный, последний луч.

Он осветил тебя, но не заметил,
Что корчится неладное с тобой.
По небу чёрному летит холодный ветер
В прозрачной – призрачной – накидке голубой.

Разлукой пахнет мокрая сирень.
Свиданьем тайным колется репейник,
Вцепившийся в подол. В непамятные даты
Чего-то ждёшь порой – как будто бы когда-то
Происходили неизвестно с кем
Событья важные. Иль вот идёшь, и... – пень
Стоял вон там, в леске! – и точно: муравейник
Под вековой сосной, в иголках весь,
В трухлявых щепках поселился здесь
Неведомо в какое из столетий.
Все пройдены пути уже давным-давно.
Не повторяется одно бессмертье.

И если мне, как прежде Моисею,
Предложат выбрать: золота мешок
Или огня с лихвой – то, к сожаленью,
Я не прельщусь, я знаю, выбрать – что.

Стакан разбился, и мяукнул кот,
Навеки лампочка погасла коридорная,
А за окном – совсем наоборот –
А за окном луна горит огромная –
Сейчас на шабаш! – только подпояшусь.

А вот и баба вёдрами трясёт.

Какие голуби и прочие воробушки,
Чирик-чирикалки и гули-гули? –
Приметы всё плохие, нехорошие:
То дождь пойдёт, а то из окон дует –

И мётлы разлетаются у дворников,
И ножки заплетаются у стульев,
И лампы угасают коридорные,
И чёрный кот в засаде караулит.

А дом плитой бетонною встаёт.

Да и удобно ли за дело браться новое
Перед зимой? – Подумаешь, июль! –
Зима у нас, как мы, всегда готовая:
Чуть зазеваешься – и заметёт.

Стакан разбился, и мяукнул кот,
Из воздуха сплелось перо воронье,
И опоздала я на целый год.

Зато не опоздали посторонние.

И прежде знала я, что назовёшь изменой
Отъезд поспешный мой, и *что* я заплачу,
Отказываясь от твоей вселенной.
В твой город призрачный вернуться не хочу.

Но всё равно ему не будет пусто,
Пока железен путь и крепится вагон
К составу длинному, а ливневому буйству
И ветру заодно со мной, и он –

Пока застыл он, бедный и надменный,
И дождь в лицо, и боль долбит висок,
Но лебеди являются из пены
И чёрная вода дрожит у ног.

Суди не за хищенья и растраты –
Людские страсти не терзают грудь.
По жребию слепому в час проклятый
Он вышел мне случайно, этот путь.

Мой путь, он уклонился от дороги
На тропы тайные, где ни глотка воды,
Ни воздуха, где бос и щедр, как боги;
На тропы тайные, где всё её следы...

За то, что он, юродивый, убогий,
Как агнец жертвенный, на поводке ведом,
Ты, суд, из века в веки козлоногий,
Суди меня неправедным судом.

Она уже не улыбнётся. Свиток –
Весь перечень обид – в руке её.
А у меня свои богатства свиты
Из паутины дней. И в сундуке моём

Накоплены мильоны оправданий –
Всё кесарю добро. Но что с того,
Когда предстанет высеченным в камне
Предначертаний зыбких торжество.

Сверкнула молния, сгустилась синева,
И замер дом, скорей окно закрылось.
А на газоне жухлая трава
Вздохнула жадно и зашевелилась.

И гул вокруг меня пошёл кольцом,
И голоса внутри пискливо воют.
Стемнело разом, дунуло в лицо –
И пыль взвилась над липкой мостовою.

Не шутит шулки, не играет в кости –
То был не Он, наверное, не он,
Кто приказал мне эти фишки бросить,
Кто подослал мне непонятный сон.

Теперь глаза открыты – Боже правый!
Нет времени и не окончен труд.
Землёю стану скоро: злые травы
Ступни прокалывают и растут.

Нет времени, и жаль зарыть бесценком
Высокие и нужные дела.
О, этот сон был знамением целым,
А я, по глупости моей, не поняла.

Рука об руку – старость и боль,
Чтоб долгие минуты долгих буден
Познать на ощупь, чтоб смириться: здесь
Другого времени, страны другой не будет.

Здоровые тела ступают дружно,
Весёлые – не только за глаза.
Что важно мне, уж никому не нужно.
В краю родном давно я динозавр.

Костры какие-то, какие-то труды
Высокие – всё самолюбье тешить.
Куда задорнее без этой ерунды,
На чёрта ли сдалась такая нежить!

Моё смирение – старость и боль:
Тяжеловато задом наперёд
Ходить на голове – в неё придётся есть
Закуску, первое, второе и компот.

А костерки, зажжённые тайком, –
Всё это шалости, а не шалю я.
Я всякий день живу своим деньком,
А ночью сплю я.

Не грозным окриком, а просто голос.
Он просто был, он наблюдал за мной,
Как света белизна и невесомость,
Взнесённые зубчатою стеной.

Трубили сбор, сиял доспех – вдали
Тысячелетий сгрудившихся, словно
Очерчен кругом пятачок земли,
Где голос твой, а я стою безмолвно.

Рукою бережной шершавые подтёки
Разглаживать в поток дождливых дней.
И кажется особенно высоким
Нависший тлен и пыльный жар камней,

Где я стою, где сонмы привидений,
Глаза горящие презрения полны.
И падают развалинами тени
От крепких зубьев крепостной стены.

И небо проплывает надо мной,
И ветер в паруса вздувает шторы.
Качнулся пол волною за волной
Палат больничных, белых коридоров.
И лист в руке зажатый выписной.

Зияет небо гулкою прорехой,
Не настезь, а врасплох, и из щелей сквозит
Живым дыханием и хриплым смехом
Схороненный забавный реквизит:

Колода карт растрёпанных и сальных,
Перо совиное, янтарная смола,
Хрустальный шар, волна цыганской шали,
Огарки чёрные и от костра зола.

И будто завязь, немощная рухлядь,
Послушная и воле и руке,
Проявится, очертится и вспухнет.

И прочный занавес дрожит на сквозняке.

Забыв колючесть трав и острия камней,
И хохот торжествующий забудь:
Глазами выжжен свой, не млечный путь –
Вот и глазей

Сквозь путы лжи всегда согбённых спин,
Сквозь дым удушливый, цепляющийся оземь,
Сквозь все кривлянья ликом и личин,
Когтями содранных, как облачную проседь.

Не жаль когтей.
Глазей, насквозь глядящий,
В сердца людей и сердцевины сосен.

И пустошью гудящий ветер лет,
Войдя в дыхание, по небу вихрем носит
Косицы чёрные и разноцветье лент.

То серой дымкою, то Леда с Лебедем –
Чтоб сердцу веселее и больней:
Почти такое проплывало в небе
Моей Қолхиды, родины моей.

И сдёрнутый покров прозрачной тканью
На плечи пал устало, без тесьмы.
За тридевять земель, за облаками
Дождями вышитый, я в нить вплетала
Живые листья и живые сны.

За тридевять земель, за облаками
В густом ольшанике теряется ручей.
Там повязала я на сук корявый
Платок – не на забвенье, а на память
Моей Қолхиде, родине моей –

Не на пока,
А на вечные века.

Колдуй баба колдуй дед,
Я колдую белый свет,
Звёзды – золотые,
Годы – молодые.

Чёрный кот кругом ходи,
Чёрный кот хвостом мети,
Колдуй чёрный колдуй кот –
Завтра солнышко взойдёт.

Быть молодой. Быть неуязвимой
Для стрел столетий.
Владеть щитом зеркальным, чтобы зимы
Змеились мимо;
Пусть занесённый меч над головою
Повиснет плетью.
Не просто быть, а быть неуязвимой
Для стрел столетий.

Не просто молодой, не такую,
Как дуновеньем ветер был и деревцем был лес.
Быть молодой, страшно молодой –
Как защищённый Стиксовой водою
Счастливчик Ахиллес.

ЯСОН

В четыре ямы ветры собирая
С оливою, ромашкой и песком,
Я небеса от края и до края
Обнюхала с надеждой и тоской.

О, мне ли солнца пылкого бояться!
Да ведь оно и кровь моя, и кров.
Я научу тебя легко справляться
С упряжкой огнедышащих волов.

Ещё ты не ступил на скользкий берег,
А море вспенилось, и послана орлица
За помощью – чтоб крылья поскорее
Приладили к наследной колеснице.

Волшебных трав предутренняя сырость
И зрячесть рук на глубину корней,
Чтобы схватить и рыть, чтоб рыть и вырыть,
И страх неведом глупости моей.

Ведь радости и прочие страдания –
Не всё тебе, и мне они нужны.
И распахнулось жалкое дыханье
Не ветром крика – ветром тишины.

Растёт твоя трава
Легко и без помех,
Как все твои слова,
Делённые на всех.

Моя – сдвигает тьму
И дышит под плитой
По слову моему,
Делённому на ноль.

И стынет кровь, и кости брата стонут
В пучину уволочь, и рук подъятых дрожь –
Не сладились подарки Посейдону:
Швырнул в лицо и перстень мой, и брошь.

И отстраняя ветры и утёсы,
На зов карги слепой в нагроможденье скал
Взлетаю на волне – корабль зарылся носом
В отлогий берег чёрного песка.

Не видел слёз моих, не слышал, сколько горя
Исторгла грудь моя – ревущей солью полны
Ветрила все, и кто кому трофеем –
Уже не важно мне: «Арго» летит по морю
Под пенье волн,
Под пение Орфея.

Стенает вещий дуб, и берег близко,
Предательская стелется земля
К ногам твоим, и на холмах коринфских
Разложен гордый парус корабля.

Последний солнца луч скользнул на столик,
На мандарины в яркой кожуре –
Всё жертвы ждал. Страданий ждал и боли.
Но рассиялись звёзды во дворе.

А боги, даже мёртвые, тиранят
Ослушницу, и нестерпим их дар.
И радужной свивается спиралью
От зелья сонного тревожный влажный пар.

В этот полдень, пылающий полдень
Ты бежишь, будто лань, ты не против
Своеволья капризных богинь.
Будет отнято всё в этот полдень,
В этот зноем мерцающий полдень –
И не знающий промаха дротик,
И ревнивые следом шаги.

И стенаниям жаркой груди
Вторит шёпот травы под ногами,
Вторят пени листвы – на свиданье
Приглашённому ветру: *Приди,*
Будь усталому ты врачеваньем.

И мёд, струящийся с дубов,
В лепёшку запекли.
Плыви меж веток и стволов,
Плыви на край земли.

Дорогой солнца – за моря,
Звезды – рассыпаться в корнях
Медовых, что рекой текли
С земли – туда, на край земли,

Где тенью ставший – древом встал,
Где в прах ушедшая звезда
Лучом янтарным дуб поит.
Плыви туда, плыви.

Смешно печалиться о лете –
Ни повернуть, ни превозмочь.
Мне больше ничего не светит:
Не светит день, не светит ночь.

Но даже если день не светит –
Давно не видя, не зовя,
Всё куст трепещет, будто ветер
Запутался в его ветвях.

Между сегодня и весной
Блится купол ледяной.
В нём столб дыхания белеет,
И грань зеркальная синее,
И блеск такой – глазам темно.
И надо бы пройти скорее,
Не ожидая, кто согреет
И кто пожалует за мной
Между сегодня и весной.

ТЕСЕЙ

О ты, рождённый чарами моими,
Забравший счастье, юность, красоту, –
Иди и заberi теперь Афины:
Я облако давно себе плету.

В клубочки смотан серебристый гарус.
Возьми один и следуй за совой:
Тебе вручается не белый парус –
Я выкрасила ягодой его

В пурпуровый величественный парус
Для грезящих в приземистой ладье.

Шуршит тростник и дикий аспарагус,
Не отражаясь в зыблемой воде.

ЧЕРЕЗ ВЕКА

Отцеубийце – горькие скитанья,
Детоубийцам – мор и саранча,
А гению – за что? – угрюмая пещера!
Увы, Эринии, весь мир достоин мщенья,
И слепоты, и смертоносных чар.

Вновь умерять ревнивые желанья,
И вновь подставлена нога, а не плечо
Судьбой злокозненной!

Так вот мне воздаянье –
Большие деньги, слава и почёт:
Моим трудом очистится от скверны
Медеей проклятый Коринф великосребрый.

Одно тревожит – всё-таки колдунья,
Хотя... –
с каких-то варварских Колхид,
Отвсюду изгнана, безумная...

– Безумье
Тебе на голову, продажный Эврипид!

Колец вокруг спиральное суженье
Железное. И толстых пальцев гнёт
До места мокрого, где тонет отраженье
Холодное и стекленеет лёд.

И тикает пружинка часовая
Соперницей закрученной резьбе
В строю глухом.

И только совесть злая
Живёт хозяйкою сама себе.

Пылает дух – ему везде просторы.
И хоть бы хны ему живые муки
Живой меня. –

Окостенеют скоро
Мои уже немеющие руки,

Распахнутые – словно для полёта,
Увязшие в еловых душных лапах.
И в этаких ветвях, сетях, тенётах
Мне невозможно колдовать и плакать.

Пылает дух. Синицы верещат.
И шишки обожжённые трещат.

Всегда с оглядкой, начерно и втайне
От глаз пристрастных гневного судьи,
Но сметены карающею дланью
Все оправдания пылкие мои.

Нет ничего постыдного и злого
Целить пронзённых огненным мечом
Густым настоем солнца золотого,
Протяжным гулом сотен тысяч пчёл.

Пусть дни длиннее, свет белей
На жарком медосборе –
Мне среди клеверных полей
Необходимо море.

Гудит над скошенной травой
Шмелиная попойка,
И грусть плывёт над головой
Легонечко-тихонько.

У моря Чёрного, у моря лебединого
Стою, раскинув руки, заслоня
От щёк, надутых ветром, и кручиною
Ползущего по поднебесью дня.

Горой стою, а волны песнь поют,
Что скалы грозные седыми льдинами
Да не обрушатся, да не падут
На море синее, на море лебединое.

Уже паук завис над паутиной,
Бурьян расшевелился на меже,
Дотлела каменка, и потянуло тиной,
И море не волнуется уже.

В отвар целебный накренилась чарка –
От немощи и слишком долгих зим.
Зыбь серебрится, и седая чайка
Парит над отражением своим.

...И ледовитых скал
На озере населье и засилье,
Гранённое сверканием зеркал
От синих волн, от непроглядно-синего
До слепоты от полыханий алых.
До бдения среди осколков снов,
Что были и неправдой, и давно,
Прибрежной галькою и водяною пылью.
Все отражения друг с дружкой заодно:
Морские рыбы простирают крылья,
Морские звёзды выстилают дно.

Хрустальный шар держу в ладонях влажных.
Тебя увидеть мне достанет сил.
Один вопрос – заместо сотен важных:
Почто, гордец, колдунью не любил?–

Следи тебя теперь! Бредёшь из ночи в ночь
По улице пустой, и тьма такая!
И душных сфер круги перед тобой,
И страх ползущий: *не ходи за мной*.
Но я... Мне всё пустяк. Уж я-то точно знаю,

Что лишь взгляну – и золотые звёзды
На небе чёрном вспыхнут, как в огне;
Лишь позову – и драгоценный воздух
На крыльях розовых слетит ко мне.

Бликует воздух. –

Ртом – дырой голодной –

Тащу его: дышать, дышать, дышать.

И по спине стекает пот холодный,

И отлетает лёгкая душа.

Ей нипочём и мой недуг телесный,

И глина вязкая на берегу –

Ей светит молнии огонь небесный.

Ей радуга раскинула дугу.

И тихо положить к подножью.

И спуститься.

И, повинясь взгляду твоему,

Закрыть глаза.

И медленно проститься

С живым, которым я ещё живу.

Ну а затем,

когда на веки ляжет плесень

и загремит в ушах морская песнь –

Тяжёлым выдохом отбросить землю

И невозможное: «Во имя!..» –

Рыдая, плача произнести.

То серой дымкою, то Леда с Лебедем –
Чтоб сердцу веселее и больней:
Почти такое проплывало в небе
Моей Қолхиды, родины моей.

Из облаков, закатных и рассветных,
И ты почти, и я почти что я –
В слезах, слезах и призраках победных,
Моя Қолхида, родина моя!

Глаза повинны в звёздном преступленье
Всегда гореть, но никогда не греть.
Я закрываю вас – сейчас, без промедленья.
Всё отнято – на что теперь смотреть? –

Закрыв глаза, вдыхая запах ночи,
Беспамятством минуты эти для
И прижимая к сердцу корень волчий,
Прибережённый в складках кошеля.

Гонимой ветром лёгкою порошей
И мне б хотелось быть, хотелось бы и мне,
Когда бы воля неподъёмной ношей
Не горбилась на согнутой спине.

Не ледяной водой, а мутной брагой
Стекает снег в ущелистых горах
В гранитные оскалины оврагов.

И пьяный воздух виснет на руках.

Так много воздуха и даже ветра –
Не продохнуть. Уста зари бледнеют,
И грозный дар ли, щедрая ли жертва,
А грудь всё холодней и холоднее.

На белом небе белая лилея
Сверкает, радуясь и леденя.

Зажгли вечернюю звезду. До пробужденья
Ещё вся ночь, весь долгий, долгий сон.
Дохнуло душно, будто бы сиренью,
Не видимый пока что горизонт
Как щель замочная, брешь в обороне, прорезь
Для глаз, глядящих пристально в окно.
И горлицы слетаются на голос –
На бормотания и клёкот мой.

Уж яма вырыта, дубочек поливаю.
Уже люблю я ночь, чуждаюсь дня,
Звонков не слышу, писем не вскрываю,
Друзья давно не видели меня –

Под капюшоном чёрным – только тени,
А у плаща размашистый запáх,
Чтоб скрыть под ним седое оперенье
И когти птичьи на моих руках.

А память – тень, а память будит тень,
Гнетущей вечностью на веки наползая,
Как будто длится ночь, а это длится день,
Последний день терзаний и дерзанья,
Что камнем прорастёт и что мечтает птицей,
Оберегая от глухой тоски.

И что согласно будет воплотиться
По мановенью скрюченной руки.

Воткнулась в ствол тяжёлая макушка,
И синева сквозит из-под прикрытых век.
Всё наврала безумная кукушка –
Что лету кончиться, что мой недолог век.

Не шевельнуться мне, измученной бездомьем.
Кора зыбучая. Истошно выпь кричит,
И руки топнут в зелени бездонной,
И влажен мох, и травы горячи.

Когтям вращать, ветвям качаться,
Ветрами выть, не зная сна,
Не смея, не умея утешаться
И утешать.

И тускло падает луна

На боль дорог, на пыль хламиды,
На седину моих волос,
На перламутр океаниды,
На перстень из янтарных слёз.

СОДЕРЖАНИЕ

«Заросшие корою бородатой...»	5
«Как безмятежна гладь, как зыбь легка поверх...»	6
«Да это я! Облазан и обнюхан...»	7
«Ночь покойная, тёмная, сонная...»	8
«Когда щемит в груди без видимых причин...»	9
«Стемнело очень рано почему-то...»	10
«Разлукой пахнет мокрая сирень...»	11
«Стакан разбился, и мяукнул кот...»	12
«И прежде знала я, что назовёшь изменой...»	14
«Суди не за хищенья и растраты...»	15
«Она уже не улыбнётся. Свиток...»	16
«Сверкнула молния, сгустилась синева...»	17
«Не шутит шутики, не играет в кости...»	18
«Рука об руку – старость и болезнь...»	19
«Не грозным окриком, а просто голос...»	20
«И небо проплывает надо мной...»	21
«Зияет небо гулкою прорехой...»	22
«Забыв колючесть трав и острия камней...»	23
Моя Колхида, родина моя	24
«Колдуй баба колдуй дед...»	26
«Быть молодою. Быть неуязвимой...»	27
Ясон	28
«Волшебных трав предутренняя сырость...»	29
«Растёт твоя трава...»	30
«И стынет кровь, и кости брата стонут...»	31
«Не видел слёз моих, не слышал, сколько горя...»	32
«Последний солнца луч скользнул на столик...»	33
«В этот полдень, пылающий полдень...»	34
«И мёд, струящийся с дубов...»	35

«Смешно печалиться о лете...»	36
«Между сегодня и весной...»	37
Тесей.....	38
Через века	39
Моя Колхида, родина моя (продолжение).....	40
«Колец вокруг спиральное суженье...»	42
«Пылает дух – ему везде просторы...».....	43
«Всегда с оглядкой, начерно и втайне...»	44
«Пусть дни длиннее, свет белей...»	45
«У моря Чёрного, у моря лебединого...».....	46
«Уже паук завис над паутиной...»	47
«...И ледовитых скал...»	48
«Хрустальный шар держу в ладонях влажных...»	49
«Бликует воздух. Ртом – дырой голодной...».....	50
«И тихо положить к подножью...».....	51
Моя Колхида, родина моя (окончание).....	52
«Глаза повинны в звёздном преступлень...».....	54
«Гонимой ветром лёгкою порошей...»	55
«Так много воздуха и даже ветра...»	56
«Зажгли вечернюю звезду. До пробужденья...».....	57
«Уж яма вырыта, дубочек поливаю...»	58
«А память – тень, а память будит тень...»	59
«Воткнулась в ствол тяжёлая макушка...».....	60
«Когтям вратать, ветвям качаться...»	61

Литературно-художественное издание

Машевич Светлана Владимировна

МЕДЕЯ

Стихотворения

Книга издана в авторской редакции

Художник – *Е.В. Карженкова*

Компьютерная вёрстка – *А.А. Симонова*

Подписано в печать 01.10.2020

Формат 84х108/32. Гарнитура «Myriad Pro»

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 2. Тираж 100 экз. Заказ № 1936

ISBN 978-5-00170-181-1

9 785001 701811 >

Издательство «У Никитских ворот»

121069, г. Москва,

ул. Большая Никитская, д. 50а/5, стр.1.

Тел. (495) 690-67-19

www.uniki.ru